

РУССКИЙ ЧЕЛОВЕК НА RENDEZ-VOUS С ИСТОРИЕЙ

Развивающийся во всех возможных ипостасях цивилизационный кризис уже поставил и будет ставить перед Россией (как государством) и россиянами (как обществом, так и частными лицами) множество вопросов из совершенно разных областей жизни — в диапазоне от устройства государства и его законов до отношений с родными, придерживающимися иных политэкономических взглядов. При этом ответы на эти вопросы в связи с ускоренным темпом времени будут требоваться немедленно. Вполне естественно, что на первом этапе реакция людей на эти вопросы напоминала последствия DDos-атаки, когда в компьютерную систему намеренно направляется огромное число запросов, она не может ответить на все запросы и «зависает». Точно так же с помощью техники «разрыв шаблона» в ступор вводится человек при общении с очередными мошенниками, желающими «позолотить ручку», — хоть у вокзала, хоть в Интернете. Поэтому главное сейчас — держать не ноги, а голову в холоде, сохраняя способность к здравому размышлению о дне сегодняшнем и будущем.

Отмечу наиболее, на мой взгляд, существенные вопросы, стоящие перед страной и ее гражданами. И среди них тема СВО и отношений с Украиной не главная. Все конфликты рано или поздно заканчиваются. Вопрос в том, как и насколько закроется (и закроется ли?) «окно в Европу», прорубленное триста лет назад Петром I? Произойдет ли переориентация России из Европы на Восток не только в части цепочек поставок или параллельного импорта, импорта технологий, но и культурологическая? На рубеже XX–XXI веков в фантастических романах Хольм ван Зайчика, писателя, придуманного петербургскими китаеводами Вячеславом Рыбаковым и Игорем Алимовым, был выведен образ единого государства Ордуси (Орда–Русь), которое якобы возникло после соглашения Александра Невского и хана Сартака и живет сегодня по смешанным русско-китайским законам и укладам. Думаю, они не предполагали сегодняшнего экономического и политического восточного

разворота России. Однако насколько далеко зайдет этот разворот? Вполне допускаю, что в мирное время нашему среднему классу как отдыхалось в Турции и Египте, так и будет отдыхаться (несмотря на нарастающее развитие внутреннего туризма, его стоимость пока, увы, неконкурентна). Но готова ли наша «элита» сменить Лазурный берег на Шанхай, а ее дети — Гарвард на Пекинский университет?

Вопрос о политике страны и ее законах. Не секрет, что поле для конкурентной политики сейчас в существенной степени сократилось. То есть проект управления, основанный на европейской идее представительной и конкурентной — «война друг с другом» — власти, если и не закрыт, то «подморожен». Точно так же как в «подморозке» коренятся принимаемые сейчас законы, связанные с формами управления государством и противодействующие противникам таких форм. Понятно, что страна, находящаяся в конфликте с таким градусом, вряд ли может позволить себе внутренние раздраи. Напомню лишь историю писателя Хармса. В период перестройки было принято упоминать о жестокости карательных органов, арестовавших Хармса. Но вообще-то арест был вызван его откровенными высказываниями в стиле «скорее бы пришли немцы». Любое государство, ведущее боевые действия и претендующее на самосохранение, не может позволить антигосударственной пропаганде взять верх. Отсюда вопрос: где пределы противостояния этой пропаганде? Грубо говоря, это ссылка, «административка» или 25 лет? С правом переписки или без? Вопрос отнюдь не риторический. Из истории Великой французской революции мы помним, как вначале все вместе искали и казнили сторонников свергнутого Людовика жирондисты, монтаньяры, эбертисты... А потом начали искать сторонников Жиронды и т. д.

Вопрос об экономике и социальной справедливости. Сегодняшняя экономическая политика власти представляет странное сочетание: внесение большого числа элементов государственного регулирования и планирования, притом что регулирование заработной платы по прежнему отдано на откуп

«почти свободному рынку». Не мое наблюдение, но я повторю его: если раньше торможение роста зарплат обосновывалось опасностью инфляции, то сейчас такого обоснования, по сути, нет. Сегодня десятки тысяч участников СВО и их семьи получают от государства специально назначенные выплаты. Эти выплаты никак не повлияли на рост инфляции, более того, она снижалась по мере выплат. Точно так же не были сметены товары с полок в магазинах, не возник товарный голод. Вопрос: возможно, качественный рост заработной платы, осуществленный работодателями (государственными и частными), так же не повлиял бы на инфляцию? Старый аргумент о том, что она носит немонетарный характер...

Другой аспект этого же вопроса. Последние годы рост доходов населения в значительной степени осуществлялся через рост государственных пособий и льгот. Недавно в одном источнике я прочитал, что-де сейчас больше 30 % населения (вдвое больше, чем в СССР) зависит от социальных пособий. Конечно, можно выдавать такую систему за справедливую и правильную, но... Тогда оставим упреки в адрес США с тамошними шутками про пособия, которые проще получить, сославшись на расовую, половую принадлежность, число детей, инвалидность, гендерную идентичность и т. д. Люди должны получать достойную оплату за труд, которая будет справедливо соотноситься с доходами других работников и руководителей. Это банальность, которая тем не менее не реализована в России. Рядом стоит банальность про прогрессивную шкалу налогообложения, от которой долго отбояривались ссылками на возможное бегство капиталов. Сейчас капиталу бежать некуда. Думаю, что решение о переходе на прогрессивную шкалу также стоит на пороге.

Вопрос об образовании и культурной ориентации. Когда в середине XIX века профессор географии из Лейпцига Оскар Пешель написал: «Народное образование играет решающую роль в войне. Когда пруссаки победили австрийцев, это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем», дело было не только в победе в конкретном сражении или войне. Дело в том, чьи установки будут более эффективно внедрены в сознание людей.

(Кстати, то, что фразу профессора долгое время приписывали канцлеру Германии Отто Бисмарку, тоже интересный и, возможно, неслучайный факт. Может быть, педагоги таким образом, пожертвовав авторством, повышали свой статус в обществе? Это шутка.)¹

А если серьезно, нам нужно смотреть на те ценности, которые внедряются сейчас в умы и сердца молодых людей. И вопрос здесь звучит так: главное для нас — привлекательный образ солидарных ценностей или система запрета? Не спору, в странах Запада система запретов внедрена через политику отмены, игнорирования — экономического и политического — авторов и тем, признанных неполиткорректными. Но и там на первом месте стоит вопрос позитивного образа будущего. А такой ответ у нас есть?

Лично я отдельные ограничения приветствую. Идея убрать из школ «Архипелаг ГУЛАГ» — вполне правильная. На этом фоне появились разные мнения, включая «не станет ли изъятый „Архипелаг...“ тем запретным плодом для юношества, каким он был в советское время». (Кстати, никто не предлагал сажать за чтение этой книги, как это было в советское время. Я понимаю, что услышу довод «пока не предлагал», но тем не менее. Откровенно говоря, лично для меня для вопросов нет. «Архипелаг ГУЛАГ» — книга, построенная на передержках и сознательных фактических ошибках, неоднократно отредактированная автором, но тем не менее не лишившаяся своих изначальных пороков. Это создание талантливого человека, изначально делавшееся как инструмент идеологической борьбы. И давать его школьникам можно как экспонат этой борьбы, но никак не источник истины².)

Но вопрос: где мы сможем остановиться в череде запретов? Если у Александра Пушкина цензором вызвался выступать Николай I, то для сегодняшних авторов статусный уровень цензоров резко снижен, количественно и тематически расширен...

¹ Шершуков А. В. Гвардия вместо ГУЛАГа // Солидарность. 2023. 25 янв. URL: <https://www.solidarnost.org/Blog/Shershukov/gvardiya-vmesto-gulaga.html> (дата обращения: 10.05.2023).

² Там же.

Поставленный в заголовок слегка расширенный вариант названия статьи Николая Чернышевского провокативен только на первый взгляд. Чернышевский писал статью в 1858 году, в период либерального подъема, когда до формального освобождения крестьян оставалось три года. Но тогда уровень проблем, стоящих перед страной, был понятен, а результат попытки разрешения этих проблем — очевиден. Точно так же очевидны сейчас перспективы нашего выхода из текущего цивилизационного кризиса. Но я уверен, что, задавая и проговаривая вслух критические для будущего страны вопросы, мы усиливаем, а не ослабляем ее.